

Впрочем, Эйхенбаум не упоминает Гоголя, Диккенса, Андрея Белого, М. Булгакова, которые, читая свои произведения, разыгрывали каждую роль, словно были на сцене.

Перед нами — ценная книга, и хорошо, что она издана. Правда, в некоторых случаях выскакивает здесь и там кажущийся теперь наивным формализм. Так, в начале книги, стечая на вопрос: «Что же такое проза Пушкина?», автор уж больно просто сводит каждую из пушкинских повестей к той или другой формальной схеме: «Выстрел» можно выпянуть в одну прямую линию...», «в «Метели» обнажена игра сюжетом. Вместо одной линии дается две параллельных...», «В «Гробовщике» — игра с фабулой при помощи ложного движения...» (стр. 31). Все это — курьезы. И дело не столько в молодости автора тех лет, когда он это писал, сколько в порывистой юности дерзаний того времени.

Пренебрегите щегольством такого рода, и многое тонкое и верное раскроется для вас в этой книге.

*Кафедра зарубежных литератур
Львовского университета*

●

М. М. Гиршман

Русская советская поэзия и стиховедение

В основе рецензируемого сборника статей¹ — материалы межвузовской конференции по проблемам поэзии и стиховедения, которая состоялась в Коломне в феврале 1968 года. Книгу открывают две работы, посвященные воссозданию образа В. И. Ленина в советской поэзии. Анализируя поэтическую Лениниану 1917—1921 гг., А. М. Стрельцов убедительно показывает, как «диапазон лирики, посвященной Ленину, расширялся от бурного пафоса до интонаций мягких, задушевных, нежно-трогательных» (стр. 10). К сожалению, беглость перечислительных характеристик отдельных стихотворений не позволяет автору достаточно глубоко раскрыть их поэтическое своеобразие, а без этого трудно говорить о художественном развитии в освоении ленинской темы. Несколько более внимательна к поэтической специфике произведений о В. И. Ленине К. С. Николаева, в поле исследования которой — Лениниана середины 20-х годов. Главное внимание обращается на индивидуальность поэтических решений в творчестве крупнейших поэтов того времени, которые говорят «о великом поразному». Однако и здесь анализ жанрового своеобразия и специфической системы выразительных средств порой заменяется «пересказом» употребляемых в стихотворении «художественных особенностей».

Такой же пересказ вместо анализа идейно-художественного смысла поэмы Д. Бедного «Главная улица» находим и в статье Б. С. Бесчеревных, которой, при верности общих соображений о становлении эпоса революции в советской литературе, ощутимо не хватает глубины и аналитической конкретности. Интересна по проблематике статья Д. Л. Резникова «Медный всадник» в творчестве П. Антокольского», однако и в ней перечисление относящегося к данной теме материала преобладает над его тщательным исследованием. К сожалению, этот недостаток присущ и некоторым другим работам. Но есть и иные примеры, скажем, статья Л. Н. Таганова, который с большой историко-литературной и теоретической основательностью раскрыл существенные особенности конфликта, жанра и композиции поэмы Н. Асеева «Маяковский начинается», и в результате характеристики, добытые автором, важны и в более широком плане изучения творческой эволюции Н. Асеева и развития советской поэзии 30-х годов. Аналогично в статье К. А. Шиловой конкретный и целеустремлен-

¹ Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969, 280 стр.

ный анализ стихотворений Л. Мартынова (прежде всего «Замечали — по городу ходит прохожий») делает убедительными обобщающие суждения об эволюции образа автора в лирике этого интересного поэта. Детальной и разносторонней является характеристика лирической поэзии С. Щипачева в статье М. А. Пейсаховича. Правда, автор, пожалуй, слишком увлекся своим предметом, и поэтика С. Щипачева выглядит в его статье идеально-беспротиворечивой, а между тем даже лучшие стихи С. Щипачева ставят вопрос о границах между поэзией мысли и рассудочной риторикой.

Несомненный интерес представляют две статьи К. Г. Петросова и особенно предлагаемая им в первой статье градация различных форм выражения авторского сознания в лирической поэзии. Тщательно учитываая уже накопленный здесь большой и противоречивый опыт современных теоретиков и определенно связывая родовое своеобразие лирики с личностным, субъективированным освоением мира, К. Г. Петросов считает, что основные формы «образного выражения личности в лирике» — лирический характер, лирический герой и лирический персонаж. Наиболее определенно описан лирический персонаж, что же касается лирического характера и лирического героя, границы между ними остаются достаточно расплывчатыми, и эти понятия во многом перекрывают друг друга. А когда К. Г. Петросов пишет, что в таких стихотворениях Лермонтова, как «Парус», «Листок», «Утес», «На севере диком», в отличие, скажем, от «Думы», нет лирического героя, а есть лирический характер (стр. 41), то ведь лирический герой здесь отождествляется с описываемым «действующим лицом», с более или менее близким автору лирическим персонажем. Из этих двух понятий: лирический характер и лирический герой — мне представляется более перспективным первое, ибо с его помощью глубже и точнее раскрывается диалектика отношений между носителем и выразителем лирического переживания.

Хорошо представлена в сборнике и история русской поэзии начала XX века, которой посвящены содержательные статьи Н. И. Вольнского о Бунине, К. Г. Петросова о раннем Маяковском и оригинальная по концепции и привлекаемому материалу работа Н. И. Евреиновой о цикле А. Блока «На поле Куликовом» в его связи с древнерусскими литературными источниками. Специально следует отметить в этом разделе статьи П. В. Кугрияновского, вводящего в поле зрения историков поэзии и журналистики XX века много новых, интересных и полезных сведений об отношениях поэтов-символистов и редакторов журнала «Северный вестник».

Прежде чем перейти к отдельным статьям последнего, стиховедческого, раздела, я хотел бы сказать о том, как приятно видеть работы по теории и истории поэзии и по стиховедению объединенными под одним переплетом. Хотя связь эта носит пока больше внешний, нежели внутренний характер, все же и в таком виде сборник способствует преодолению тягостного методологического разрыва, когда поэзия и стих изучаются «по отдельности».

Очень важной стиховедческой проблеме посвящает свою статью «Перебой ритма» В. Е. Холщевников. Им сделана очень полезная классификация различных случаев нарушения складывающейся ритмической инерции. Вместе с тем необходима дальнейшая конкретизация характеристик того фона, тех типовых закономерностей ритмического движения, на основе и в связи с которыми возникают и воспринимаются различные перебои. Общий вывод о том, что «чем строже стиховая система, тем сильнее воспринимается даже незначительное нарушение ритмической инерции» (стр. 181), безусловно верен, но здесь важны не только качества той или иной метрической системы, но и более или менее строгие закономерности, действующие в пределах отдельного стихотворного произведения как специфической целостности. И если, скажем, в ряде лирических стихотворений Н. Языкова третья форма четырехстопного ямба (— — — — —) оказывается весьма резким перебоем, то в другом типе ритмического движения, например, в ряде ямбических стихотворений А. Белого, та же форма является одной из самых распространенных ритмических вариаций.

Безусловно актуальным для современной стиховедческой типологии является разрабатываемое П. А. Рудневым сопоставление монометрических и полиметрических конструкций на основе детального и основательного анализа метрики А. Блока. За-

мечу только, что в понятии полиметрической конструкции должны быть, по-моему, более четко выделены два обязательных признака: 1) наличие в пределах единого произведения отрывков, написанных разными размерами, и 2) четкое композиционное ограничение друг от друга таких разноразмерных отрывков (минимум такого композиционного разграничения — строфическая граница). В связи с этим сомнительно, например, что «Гармоника, гармоника» А. Блока относится, как считает П. Руднев, к полиметрическим конструкциям (стр. 230). В этом стихотворении нет графического отделения и композиционного обособления разноразмерных частей, а представлен единый тип ритмического движения, основанный на сопоставлении форм четырехстопного ямба с мужской клаузулой и трехстопного с женской и дактилической клаузулами. Тут четырехстопник и трехстопник — не разные противостоящие друг другу размеры, а скорее ритмические вариации, образующие определенный тип ритмического движения в пределах единого стихотворного произведения. Точно так же я не вижу никакой полиметрии и в таких стихотворениях, как «Жизнь медленная шла, как старая гадалка», «Довлю дрожащие хладеющие руки» и «Ответ».

Все статьи стиховедческого раздела очень интересны и по материалу и по оригинальной его интерпретации, но размеры рецензии, к сожалению, не позволяют мне сколько-нибудь подробно остановиться на их содержании. И все же я хочу порекомендовать читателю работы Г. П. Антощенкова, С. А. Рейсера, К. Д. Вишневого, Л. Н. Новинской, В. А. Саногова, В. С. Баевского, М. Л. Гаспарова. Тематика этих исследований обширна и разнообразна: акцентная структура дольников, строфика «Кому на Руси жить хорошо», становление трехсложных размеров в русской поэзии XVIII в., метрика Ф. Тютчева, стихотворная стилистика лирического цикла, относительная сила и значимость ударений в стихе альтернирующего ритма, цепные строфы в русской поэзии, — и везде авторам удалось сказать немало существенного и наметить пути плодотворной разработки этих актуальных стиховедческих проблем.

Заслуживают внимания также сообщения В. Бычкова, Ю. Аничкина и В. Зайончковской, помещенные в последнем разделе сборника.

В целом авторам и редакторам рецензируемой книги (гл. ред. — К. Г. Петров) удалось создать безусловно интересный и полезный сборник работ, и хочется пожелать, чтобы наметившиеся здесь объединение и координация исследовательских усилий в изучении поэзии получили дальнейшее плодотворное развитие.

*Кафедра эстетики и теории
литературы Донецкого университета*

Н. Т. Нефедов

Литературоведы социалистических стран о проблемах русской советской литературы

В славистском литературоведении европейских социалистических стран усиливается внимание к изучению различных проблем русской советской литературы. Значительная роль принадлежит в этом Секции славистики университета имени Фридриха Шиллера в Йене, возглавляемой профессором Гарри Юнгером. 17—19 октября 1967 года здесь была проведена международная конференция литературоведов-славистов на тему: «Образ человека в русской советской литературе», материалы которой представлены в рецензируемом сборнике¹.

¹ Das Menschenbild in der Sowjetliteratur. Herausgeber: Prof. Dr. habil. Harri Jünger Direktor der Sektion Literatur-und Kunstwissenschaft der Friedrich-Schiller-Universität Jena. 1969. Последующие ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках (в переводе автора статьи).